

УДК 811.11

А.В. ДЯДЬКИНА
(*dyadkina.2015@mail.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

В.П. НЕКРАСОВ О ВОЙНЕ И МИРЕ В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ

Рассматривается рассказ В.П.Некрасова «Девятое мая». Проанализированы заглавие произведения и организация повествовательной структуры, воссоздающей систему персонажей, за которыми скрыты реальные прототипы.

Ключевые слова: *Сталинградская битва, афганская война, победа, Девятое мая, герой.*

*«Расстаемся мы где надо и не надо –
На вокзалах и в окопах Сталинграда ...»*

Б. Окуджава

Тема Великой Отечественной войны – главная тема в творчестве писателей-фронтовиков. Воевавшие на разных фронтах и в различных подразделениях, все они до конца своих дней «товарищи по оружию», по боевой молодости, которая стала порой рождения солдата, защитника Родины. Спустя десятилетия память о тех днях диктует высокие, искренние слова Булату Окуджаве, семнадцатилетним мальчишкой ушедшему на фронт, когда он воспроизводит свою парижскую встречу с писателем-изгнанником В.П. Некрасовым, только в начале 1990-х «возвращенным» нашим соотечественникам. В стихотворении «Мы стоим с тобой в обнимку возле Сены» (1996), посвященном В.П. Некрасову, есть пронзительное признание:

Расстаемся мы где надо и не надо —
на вокзалах и в окопах Сталинграда,
на минутку и на веки, и не раз...
Что-то вечное проходит мимо нас.

Стоит обратить внимание на особенности художественного мировидения обоих авторов, отмеченные Виктором Кондыревым в книге «Все на свете, кроме шила и гвоздя. Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове» (1972–1987): «Мне и вправду кажется, что некрасовская проза — очерки, зарисовки и рассказы — по плавности и изяществу напоминает стиль прозы и даже песен Окуджавы. <...> Оба писали о войне, о друзьях, о надеждах...» [7]. Все так, но, вспоминая Некрасова, увиденного в Париже, талантливый поэт сделал важное уточнение: главная тема для Некрасова – Сталинград, центральный образ его бессмертной повести «В окопах Сталинграда» (1946). Подтверждает это и творчество самого Некрасова, например, рассказ «Девятое мая», созданный художником в эмигрантский период и впервые опубликованный в сборнике его произведений «По обе стороны стены» (1984, Нью-Йорк). Здесь главный герой Вадим Николаевич Карташов, кто, «как и сам писатель, «весь Сталинград оттрубил», тридцать восьмой день Победы «встречает в Гамбурге, с досадой обнаруживая, что в этом году Девятое Мая отметить ему не с кем, разве что с бывшим «фрицем», немецким летчиком, после нескольких лет «русского плена» вернувшимся к себе домой» [10, с. 540]. А он вынужден жить вне Родины, как и сам автор, лишенный советского гражданства, но не за преступление – за честность и свободомыслие. Карташов знакомится с советскими моряками, один из которых – Юрко – становится особенно близким ему, потому что Карташов понимает проблемы его семьи, осложненные «проклятым» Афганистаном.

Изучая материалы жизни и творчества В.П. Некрасова, трудно пройти мимо имени русского поэта, который, по-видимому, тоже был одним из реальных прототипов образа Карташова. Это Вадим Ни-

колаевич Делоне [22 декабря 1947, Москва — 13 июня 1983, Париж]. Он, активный участник правозащитного движения, был исключен из Московского государственного педагогического университета и в 1967 г. осужден на 1 год (условно). 25 августа 1968 г. в числе семи человек Делоне принял участие в демонстрации протеста на Красной площади против ввода советских танков в Чехословакию, за что получил три года тюменских уголовных лагерей. После вынужденной эмиграции в 1975 г. жил в Париже, продолжал заниматься правозащитной деятельностью и писать. В.П. Некрасов в газете «Новое Русское слово» 25 ноября 1984 опубликовал рецензию на стихи Делоне – «Вадим Делоне. Стихи. 1965–1983» [18].

Возможно, судьба и творческий облик Делоне оказали влияние на особенности образа Карташова, о чем свидетельствует не только точное совпадение имени и отчества поэта и главного героя рассказа «Девятое мая», но и эмигрантская судьба. Мотив одиночества русского художника в «занюханном гамбургском кабачке» (В. Некрасов) звучит и в поэтическом творчестве Делоне. Вот фрагменты его стихотворения 1975 года «Что родной заколдованный круг площадей...»:

... только страшно молчать —
Тяжелей разговора пустого,
Хоть полслова родного еще услышать
и ответить хотя бы полслова.

А это строки из стихотворения 1979 г. «Баллада о судьбе»:

Горький привкус весеннего неба,
Беглый месяц мигнет из-за туч...
Где ты, церковь Бориса и Глеба?
Где на ордере штамп и сургуч?

В 1978 г. в Париже В.Н. Делоне было написано стихотворение, состоящее всего из одного катрена – «р.s»:

Знаю — разговоры между пройдами:
«Вот уехал и погиб уже».
Лучше умереть вдали от родины,
Чем прожить без родины в душе [5].

Поэт показал, что чувствует человек вдали от родного дома: «горький привкус весеннего неба», который знаком и Карташову, переживание «горькой тоски», которая тоже близка некрасовскому герою, осознание себя человеком, которому с Родины «жестом с надломом махнули рукой» на прощанье. Самому В.П. Некрасову это близко. У него есть статья «Мать-Родина» (1981), в которой он описывает незабываемое прощание с родным городом Киевом: «Шесть лет тому назад, уезжая из Киева, я пошел прощаться с ним, с прекрасным лицом его. Переехал на левый берег Днепра <...> Крутой правый берег, весь в зелени — она морем, волнами спускается к самой реке и среди нее маковки, золотые купола Лавры, Выдубецкого монастыря. А правее, значительно правее, над самым обрывом, стройная, изящная Андреевская церковь. И Владимир Святой с крестом в руках» [14, с. 1139–1140]. В этом пейзаже — вся любовь русского человека к родной природе, любовь не только к Киеву, но и ко всей России. Оттого так неприглядны картины природы в немецком Гамбурге: «парк был пуст, киоски закрыты. Ну лебеди, ну утки. Лебеди такие красивые, изящные в воде, на берегу оказались вдруг грузными, неэстетичными, лениво топающими вразвалку и очень агрессивными, все время ссорились между собой... Тем не менее, покормил их какими-то крошками, оказавшимися в кармане» [10, с 536].

В рассказе «Девятое мая» есть упоминание и о Владимире Высоцком. Старший из моряков, с которыми знакомится Карташов в Гамбурге, Алексеич, «вдруг, ни с того, ни с сего, после паузы, спросил, правда ли, что на могилу Высоцкого до сих пор цветы носят? Говорят, целая гора лежит и все несут, несут» [Там же]. Стоит отметить: у Делоне есть написанное в Париже стихотворение «Баллада памя-

ти Владимира Высоцкого» (1980), тоже пронизанное не только тоской по ушедшему поэту, но и тоской по родине:

Огни, парижские огни,
молись по Святцам!
Но дни, потерянные дни,
они мне снятся.
По европейским городам
мечусь под хмелем,
Но я живу не здесь, а там —
я в это верю.
Метель сибирская метет,
хрипит недели,
Какой там с родиной расчет —
мы дышим еле [5].

Обозреватель радио «Свобода» Иван Толстой, в своей программе «Поверх барьеров» одну из передач посвятил В. Высоцкому («Алфавит инакомыслия. Владимир Высоцкий»), где в диалоге с Андреем Гавриловым предложил послушать запись передачи 1982 г. с В.П. Некрасовым. Писатель тогда сказал так: «Высоцкого уже нет в живых, и мы мало как-то с ним в жизни встречались: два-три раза в Москве, однажды в Париже, да в Киеве был он у меня однажды в гостях, когда театр гастролировал. <...> Так что не знаю я его как человека. Знаю как поэта, барда, певца знаменитого, любимого. <...> Сейчас встретился я с ним по-иному. Взял в руки книжку под названием “Нерв” <...> и в тишине и покое садика моих друзей погрузился в нее. Погрузился в военные песни, в военные стихи». В.П. Некрасов процитировал строки Высоцкого из его песни о Великой Отечественной:

Я видел, кто придет за мной.
Мы не успели, не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой.

Стоит обратить внимание на признание Некрасова: «Высоцкий не воевал. Я воевал. Казалось бы, что между нами общего?». Но, взяв в руки «“Нерв” покойного Высоцкого, <...> я, участник, могу сказать Володе: “Дай руку. Мы вместе воевали. Не рядом, но на одной войне. И ты сумел рассказать, пропеть о ней своим сверстникам, и они слушают тебя и верят. И я слушаю и верю”». В передачу о Высоцком включается и афганская тема. Некрасов думает о том, чего не успел спросить у Высоцкого: «Но вот об одной песне мне хотелось бы с тобой поговорить, но тебя уже нет. О той, в которой строчки:

И от ветра с востока пригнулись стога,
Жметесь к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.

<...> Стога, скалы, отара... И пахнуло на меня вдруг знойным воздухом Афганистана. Ни песен, ни стихов об этой войне нет. <...> И ничего-то мы об этой войне не знаем — ни мы, живущие на чужбине, ни те, кто остался дома. Только похоронки напоминают матерям об этой страшной, позорной, ненужной войне».

Напоминает об этом своим рассказом «Девятое мая» и В.П. Некрасов. Его Карташов с гордостью вспоминает о великой Победе над фашистами, с горечью и досадой размышляет об афганской войне, опыт которой «не мог полноценно воплотиться в литературе. Пока эта война продолжалась, современная идеология не могла позволить хоть сколько-нибудь реалистических свидетельств того, что там

происходило, а потом исчез сам Советский Союз— и афганская война перестала быть отдельной темой, став лишь главкой» [16, с.182–189]. Но в ней немало горестных страниц.

Павел Андреев в «Афганских рассказах» (1988) заметил, что эта «война острейшим образом переживается эмоционально, но ни в коем случае не рационально, поскольку разумному объяснению здесь ничто не поддается. Более того, сила внерационального такова, что распространяется и на «мирную» жизнь — она потому и не впускает в себя «меченных смертью», что они заражены бессмысленностью, как болезнью» [Там же]. Светлана Алексиевич в своей документальной книге «Цинковые мальчики» (1989) считает необходимым поместить такие воспоминания воинов-«афганцев»: *Пуля натывается на человека, ты слышишь — его не забыть, ни с чем не перепутать — характерный мокрый шлепок. Знакомый парень рядом падает лицом вниз, в едкую, как пепел, пыль. Ты переворачиваешь его на спину, в зубах зажата сигарета, которую только что ему дал... Она еще горит... Первый раз действуешь, как во сне: бежишь, тащишь, стреляешь, не запоминаешь, после боя не можешь рассказать. Все будто за стеклом...* [1, с. 20]. Не исключено, что обостренное внимание к деталям такого рода, помогающим воспроизвести «не женское лицо» (С. Алексиевич) войны, — один из уроков «лейтенантской» прозы, течение которой начинается именно с «Окопов Сталинграда» В.П. Некрасова. В ней автор с помощью художественно убедительных деталей опровергает мнение о том, что люди на войне привыкают ко всему, в том числе и к страху смерти: *Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окурок. Маленький, еще дымившийся окурок. И это было страшней всего, что я видел до и после на войне... Минуту назад была еще жизнь, мысли, желания. Сейчас — смерть* [9]. Это не забывается, хотя сказано художником о далекой, но всегда памятной — особенно для каждого жителя Волгограда — Сталинградской битве.

Афганская война и локальные конфликты в нашей стране отражаются в литературе иначе. М. Ремизова подметила, что «война потеряла возможность воплощаться в искусстве как убедительное “внешнее действие” — она перетекла внутрь, в сознание и подсознание, став подобием “внутренней среды”, “внутренней реальности”, где роль играют не передвижения войск, не исход боя, а комплекс ментальных переживаний» [16, с. 182–189]. О таком положении дел размышляет в рассказе «Девятое мая» и герой Некрасова, находящийся во власти воспоминаний о Сталинграде: *Но все это было в ту войну, сорок лет уже прошло с тех пор, в ту, говорят, самую жестокую, самую безжалостную... А может, и не самую? Может, в Афганистане и пострашнее?* [10, с. 542]. Этот вопрос постоянно тревожил В.П. Некрасова. Воспоминания Ф.А. Салказановой, журналистки и многолетнего заместителя директора русской службы радио «Свобода»: «Мы знали, как внимательно Вика следил за всем, что происходит в Советском Союзе, и особенно — за событиями в Афганистане. Он ненавидел войну в Афганистане. Он любил советскую армию за Вторую мировую войну» [8].

В рассказе «Через сорок лет...» (1981) Некрасов так выражает свою позицию по отношению к афганской войне: «Я встречался с человеком, бежавшим из Афганистана. Афганцем. Десять лет проучился он в Москве, кончил университет, аспирантуру, сдружился с русскими, полюбил их, пел вместе с ними: “Пусть всегда будет мама, пусть всегда будет солнце!”. А теперь, — с какой горечью говорил он мне, — эти же русские, ну, не эти, другие ... отбирают «наше солнце». Я жадно расспрашиваю людей, приезжающих из Союза, что говорят дома об Афганистане .... Разводят руками. Большинство ничего не говорят. Не знает. Радио глушат. В газетах врут. Какие-то слухи доходят. <...> И девятнадцатилетний Ванька в ушанке со звездочкой, злой, голодный <...> стреляет <...> В кого? А хрен его знает <...> разве поймешь? Приказывают — стреляю <...> Нет, такого у нас не было. Мы знали, кто наш враг, и знали, что он жесток и силен и не мы, а он позарился на чужие земли. И тот же Ванька тех лет, с красной звездочкой на ушанке, мерз в окопах и шел в атаку <...> Он защищал свою землю» [20]. В этом же рассказе Некрасов упоминает о своем пребывании в Париже и увиденном там на книжной выставке романе Василия Гроссмана «За правое дело» (1952). Так называется замечательная книга большого русского писателя Василия Гроссмана о правом деле защиты Родины. Она посвящена Сталинграду, одной из величайших битв в истории войн.

В мемуарных записках Некрасова «Мысли о Сталинграде» (1980) писатель на примере конкретных судеб показывает разницу между Великой Отечественной и афганской войнами. Он рассказывает об истории своей «сталинградской» дружбы с младшим лейтенантом Николаем М., который спустя десять лет «обучал саперному делу офицеров некоего соседнего государства». Однажды в выпуске «Фигаро» он обнаружил статью о «неком советском генерале, инспектировавшем предместье Кабула. Он был в «жиле пар балль», но пуля партизана-снайпера поразила его в рот». Я не в силах произвести фамилию этого генерала, но это — та же фамилия. Та, в статье, и моего Николая...». Некрасов размышляет: «...есть войны справедливые и несправедливые. Но никто никогда не говорил нам о войнах позорных. А они есть. <...> Та, в которой участвовали мы — я, Ваня Фищенко, Николай — была тяжелой, страшной, но не позорной. Мы защищались. Пусть даже под командованием Сталина, но защищались. А сейчас?» [12].

Священная память о Великой Отечественной всегда живет в героях Некрасова и их создателе. В 1992 г. журналист и писатель Григорий Кипнис опубликовал статью «И только правду», в которой описал празднование двадцатой годовщины со дня Великой Победы вместе с Некрасовым: «сильнее всего остался в памяти праздник 20-летия Победы в 1965 г. Мы решили отметить его как-то особенно, насытив по возможности всякой фронтовой атрибутикой. Несколько дней пришлось мне потратить на то, чтобы добыть махорку и свиную тушенку, пусть не американскую, которая на фронте считалась главным лакомством, а хоть нашу родную. Киселев, используя дружеские связи с крупными учеными-химиками, приволок два котелка со спиртом. Достали ржаной темный хлеб. Приготовили светильники из старых снарядных гильз. Нашли оловянные армейские ложки. Но гвоздем программы и самым неожиданным сюрпризом явился огромный, завернутый в несколько газет, чтобы не остыл по дороге, казан с пшенной кашей, заправленной старым салом, — это притащил из дому Некрасов. <...> Вообще радости нашей не было предела. Как веселился Некрасов! Когда я думаю о нем, часто вспоминаю именно тот день. Интуитивно чувствую, что и он, когда особенно сильно тосковал в Париже по родным местам, тоже вспоминал тот наш прекрасный День Победы» [6, с. 137–156].

Конечно, вспоминал, о чем свидетельствует позднее творчество Некрасова, развивающее тему Отечественной войны и Победы. Здесь незначительный, на первый взгляд, эпизод, случайная встреча или предмет — все становится отправной точкой мысленного возвращения автора на Сталинградский фронт. «В записках о Сталинграде» (глава «Мамаев Курган на бульваре Сен-Жермен», 1987) Некрасов рассказывает, как однажды весной в парижском кафе «Аполлинер» он стал свидетелем такой сцены: «Пожилой небритый садовник меняет круглые решетки у молоденького, неравно посаженного платанчика. Опять куда-то ушел. Вернулся... Приволок откуда-то — и я обомлел — киркомотыгу! <...> Киркомотыга... Милая, дорогая, сколько же лет я тебя не видел? <...> А если не поленишься, подсчитать, то сорок четыре, со времен Сталинграда. Не было в Сталинграде ничего более ценного, чем она» [2, с. 1172–1200]. Эта сцена напоминает эмоциональную реакцию Карташова из «Девятого мая», наткнувшегося на газету в немецком гамбургском кабаке «Акапулько»: *Вдруг обнаружил, листая газету, что сегодня не больше, не меньше, как девятое мая, День Победы. День Победы! Господи, сколько было выпито в этот день тогда. Тогда... Сколько это лет прошло? Тридцать... Тридцать восемь лет. Ну и цифра... Тридцать восемь! Страшно даже подумать. Сколько ж было ему в сорок пятом? Двадцать пять? Двадцать шесть? А сейчас...» [10, с. 538]. О том, как встретил День Победы 1945 года сам Некрасов, он поделился в главе «День победы — 1984» («Записки о Сталинграде»): «Вот так завершилась война, одна из страшнейших в истории человечества. <...> Все на радостях стреляли в воздух и пили. И день, и два, и три! Интересно, сколько было выпито за эти дни? Но тут статистика спасовала. Не до этого было...» [2, с. 1172–1200].*

Спустя тридцать восемь лет, его Карташову приходится лишь вспоминать былых друзей, и фронтовиков, и невоевавших. Сталинградская тема усиливается в рассказе «Девятое мая» и в связи с упоминанием об афганских событиях. Морячок Юрко просит Карташова помочь вызволить из беды своего брата: *...старший брат, Микола в армии. Послали в Афганистан... Ну, там и попал в плен... Мы долго*

от него ничего не имели. Родители, то есть. А я в рейсе был... Потом вернулся, а от него письмо, и знаете, откуда? Из Швейцарии <...> Может быть, вдруг, случайно... Фамилия Слипченко, Микола Слипченко<...> Запишите адрес. Село Хатки, Полтавской области, Миргородского района [10, с. 549]. По-видимому, просьба Юрко потому так трогает Карташова, что его создателю хорошо знакомы эти края. Есть и совпадения в семейных трагедиях. У самого Виктора Некрасова был старший брат, родившийся в 1902-м и рано погибший: «Коля, мой старший брат погиб в Миргороде в 1919 г. под шомполами красных. Было ему тогда 18 лет» («По обе стороны Стены»). В своем мемуарном очерке «Мама» В. Некрасов говорит: «В 1919 году трагически погиб мой старший брат Коля. Ему было восемнадцать лет. Мальчик на редкость одаренный. Смотришь на его чудом сохранившиеся рисунки, висящие у меня на стенке, и диву даешься. Ни на кого не похоже, собственное лицо, слегка левоватое и очень профессионально. А нигде не учился. И писал. Кое-что сохранилось <...> Почти всю свою жизнь прожил в Швейцарии и во Франции <...> и оказался он в тот нелегкий год в Миргороде, где жил наш отдаленный родственник-врач. Правительства сменялись одно за другим. В один из приходов красных у него проведен был обыск. Нашли французские книги, приняли за шпиона и убили, засекли шомполами, бросили в реку.<...> Мне было тогда восемь лет» [11].

Семья Некрасовых на себе испытала и войну Гражданскую, и Вторую мировую, потому писателю «хотелось, чтобы все любили мою Красную Армию, армию-освободительницу. Она заслужила это – свою кровью, потом, ранами, могилами...» [4, с. 501–508]. Да, Виктор Некрасов был «готов умереть для родины, но не лгать для нее». Вот почему все, созданное им, носит антивоенный характер, тем самым поддерживая такой хрупкий мир в послевоенном мире.

Литература

1. Алексиевич С. Цинковые мальчики. Чернобыльская молитва. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. Виктор Некрасов. Сочинения. М.: Книжная палата, 2002.
3. Геллер М. «В окопах Сталинграда» вчера и завтра / предисловие к изд.: Некрасов В.В окопах Сталинграда. London: Overseas Publications Interchange LTD, 1988, P. 1–4.
4. Голованова Т. Не пустые понятия — честь, долг, совесть, достоинство / послесловие к изд.: Некрасов В.В окопах Сталинграда (роман, повесть, рассказы). Л.: Лениздат, 1990. С. 501–508.
5. Делоне В. Стихи. 1965–1983. Париж, 1984. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Delone%20Vadim.aspx>.
6. Кипнис Г. О Викторе Некрасове. Воспоминания (Человек, воин, писатель). К.: Украинский письменник, 1992. С. 137–156.
7. Кондырев В. Все на свете, кроме шила и гвоздя. Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове. М.: Астрель, 2011. URL: <http://nekrassov-viktor.com/>.
8. Крохин Ю. Фатима Салказанова: открытым текстом. М.: Вагриус, 2002. URL: <http://nekrassov-viktor.com/AboutOfVPN/Nekrasov-Salkazanova%20Fatima.aspx>.
9. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда // Некрасов В.П. В окопах Сталинграда (Русская классика). М.: Эксмо, 2013. С. 5–324.
10. Некрасов В.П. Девятое мая // Некрасов В.П. В окопах Сталинграда (Русская классика). М.: Эксмо, 2013. С. 523–550.
11. Некрасов В.П. Мама. Мемуарный очерк «Новое Русское слово», 1980. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Mother.aspx>.
12. Некрасов В.П. Мысли о Сталинграде. Мемуарные заметки // Русское слово, 1980 URL: <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Misli-o-Stalingrade.aspx>.
13. Некрасов В.П. Рецензия. Вадим Делоне. Стихи 1965–1983 // Дружба народов. 1990. № 5. С. 147–151.
14. Некрасов В.П. Там, где горела земля // собр. соч. Виктора Некрасова (в 3 т.). М.: Изографус, 2004, Т. I.
15. Перевалова С.В. Оказывается, война не завершается победой: «лейтенантская проза» о «Юности командиров» // Литература в школе. 2015. № 10, с. 18–22.
16. Ремизова М. Война внутри и снаружи // Октябрь. 2002. №7, С. 182–189.
17. Тольц В. «Как у Дюма» – Ветераны войны о войне и не только... (Елена Боннэр и Виктор Некрасов) // Радиопрограмма «Разница во времени». Радио «Свобода», 2.07.2011.
18. Шаховская З. Вадим Делоне. URL: <http://www.univer.omsk.su>.

DYADKINAA.V.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

NEKRASOV WROTE ABOUT WAR AND PEACE IN THE POSTWAR WORLD

The story «The 9th of May» that was written by Nekrasov and established in the emigrant period of his work is taken into the consideration. We analyzed the title of the work, the organization of narrative structures creating the system of characters which have real prototypes

Key words: the Battle of Stalingrad, afghan war, the Victory, the Ninth of May, the hero.